

Леонид **МАРКОВ:**

«ОБЛИЧАЯ, БЫТЬ ЗАЩИТНИКОМ...»

Сначала кажется, что Леонид Васильевич Марков неразговорчивый, замкнутый человек. Но это впечатление обманчиво — рассказывает он охотно:

— В театре я уже больше тридцати лет — с сорок пятого года. И хотя до приезда в Москву успел окончить театральную студию и поработать, однако первым своим учителем считаю Берсенева, у которого учился в студии, будучи актером театра имени Ленинского комсомола. Берсеньев требовал от нас, прежде всего, профессионализма: надо было научиться владеть голосом, чувствами, пластикой. Я могу сказать, что овладел всем этим сравнительно недавно.

— В какой-то определенной роли?

— Нет, просто понял, как говорить ту или иную фразу и что получится, если скажешь ее вот так, в таком-то пластическом рисунке. От этого работать стало тяжелее.

— Разве с приходом мастерства не становится легче?

— Нет. Так только кажется... В театре Ленинского комсомола я проработал в общей сложности тринадцать лет. Затем перешел в театр имени Пушкина, которым руководил в то время Равенских. Потом меня пригласили в театр имени Моссовета, к Юрию Александровичу Завадскому. Вот как мне повезло в жизни, вот какие у меня учителя.

— Актеру все роли, сыгранные им, близки. Но, может быть, одна из них — самая любимая?

— Я бы ответил немного парадоксально: любимые мои роли — несыгранные, а те, что сыграны — уже не любимые, привычные, что-ли.

— А что бы вы хотели сыграть?

— Когда я был студентом, мечтал сыграть три роли: Федю Протасова из «Живого труп», Арбенина и Сирано де Бержерака. Сыграл я только Арбенина. Конечно, грустно, что мечты не осуществляются. Но эта грусть проходит с годами, вернее — с другими ролями, которые похожи какими-то чертами на те, несыгранные. А вообще у меня много ролей: Петя Трофимов в «Вишневом саде» и Яков — в этом же спектакле... Играл я Джека Лондона — я на него, кажется, и впрямь был похож. И в «Сирано» играл — сначала Кристиана, потом капитана гвардейцев Карбона, а Сирано сыграть так и не удалось.

— Почему?

— Наверное, потому, что я «специалист» по отрицательным персонажам. В них я ищу что-

нибудь хорошее. Это не значит, что я не понимаю сущности своего героя, я стараюсь быть его адвокатом...

— Быть адвокатом — значит защищать, оправдывать?

— Нет, я их не оправдываю. Тогда мое искусство приносило бы вред. Просто все переводится в более сложный план. Вот, например, де Реналь в «Красном и черном» Стендаля. Когда мне Сергей Аполлинарьевич Герасимов предложил эту роль, я сначала сказал, что она не для меня. Уж очень противно. «А кого бы вы хотели сыграть в этом романе?» — спросил он. Я перебрал всех, но ни на ком не остановился. И тогда я спросил: «Де Реналь хоть раз заплачет». Герасимов подумал и не сразу ответил: «Да». Только тогда я согласился. Это похоже на легенду об одном актере, которую я недавно услышал. Ему тоже предложили роль, а он спросил: «Там хоть есть слово «мама»?» — «Есть», — ответили ему. «Я буду играть, эта роль мне близка», — сказал он.

— Значит, в фильме вы не старались показать де Реняля подлецом?

— Какой же он подлец? Он любит жену, любит своих детей, поступает так, как требует его гражданская совесть. Он скорее мещанин.

— Раз речь зашла о «Красном и черном», хотелось бы знать ваше мнение о фильме!

— Я сам вижу весь материал впервые. Пожалуй, фильм немного вяловат, хотя и интересен. Что касается моей работы, то мне за нее не стыдно.

— Почему вы так мало снимались в кино?

— В кино мне не то, чтобы не повезло, я просто не снимался. На роли, которые я хотел сыграть, меня не приглашали, а те, которые предлагали, — не нравились, и я отказывался от них. Сейчас я кончил сниматься в главной роли на «Мосфильме» в картине «Долги наши», которая выйдет на экраны к новому году. Значит, мы еще встретимся с минчанами. Поэтому, хотя наши гастроли уже закончились, мы не прощаемся. Мы говорим: «До свидания!»

Интервью провел В. РУДОВ.